

ЕЩЕ РАЗ О ЯЗЫКЕ

Понятия русский язык, литературный язык, наконец просто язык для меня слишком велики. К подобным понятиям я отношусь с посылным почтением. Я не считаю себя вправе жонглировать ими по любому поводу.

Но вот однажды совершенно случайно раскрываю «Родную литературу» – школьный учебник, по которому учатся миллионы наших детей. Читаю. Возмущенный, пишу заметки о языке, а журнал «Русская речь» их публикует. «Почему же я ввязался в это дело?» – спрашиваю я теперь сам себя. Чтобы ответить на этот вопрос, я вынужден цитировать собственную персону: «Удивляет еще и пристрастие к сноскам в сносках, указание на то, что вот, мол, это слово народное, это устарелое. А почему, собственно, пушкинское пожалуй тебя устарело и хуже чем редакторское окажу милость? И если пояснять пушкинское пожалуй тебя, то надо пояснять и редакторское окажу милость. Рывина – это яма, говорится в книге. А яма – это что, рывина, что ли? Ветер с полудня по глубокому убеждению редакторов – устарелое слово, супротив – искаженное».

Дальше в заметках, наивно надеясь быть услышанным, я попытался говорить об обеднении языка по словарному составу: «Обеднение это происходило порой по вине тех, кто, казалось бы, сам и призван расширять и укреплять богатство языка. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить словарь Даля со словарями Ушакова и Ожегова вместе, затем ушаковский и ожеговский по отдельности. Множество великолепных русских слов в двух этих словарях совершенно произвольно отнесены в разряд устарелых, областнических, разговорных и т. д.».

Редакция «Русской речи», публикуя мои заметки, кой-какие места похерила (в том числе и то место, где я говорил об игнорировании склонений). Зато «Литгазета» публикует статью доцента Свинцова, обвинившего меня в увлечении диалектизмами. Я не ответил на это обвинение. Я убежден, что понятие язык слишком велико и необъемлемо. Что частные, иногда весьма банальные споры о языке с успехом компрометируют это понятие.

Чтобы пояснить эту мысль, приведу такой пример. Однажды я включаю телевизор и... как бы это помягче сказать? – теряюсь, развожу руками. Перед миллионами зрителей экран всесоюзного телевидения несколько минут светился крупными контрастными буквами: ВЕЧЕР В ОСТАНКИНО. До сих пор я нисколько не сомневался, что все нормальные люди говорят в Останкине, а не в Останкино, Но, оказывается, мое мнение еще ничего не значит... Как так не значит? Ничего подобного, значит! И вот я, возмущенный, опять хватаюсь за перо и начинаю спорить по поводу склонений, спорить неизвестно с кем. Вначале мой оппонент анонимен, абстрактен. Но, по мере моего вступления в спор, он формируется и приобретает вполне реальную физиономию.

В самом деле, стоит кому-то заявить, что слово Останкино склонять совсем не обязательно, как открываются прекрасные возможности для полемики. Poleмика в данном случае не нужна, спорить абсолютно не о чем, но я уже участник полемики, я участник спора, следовательно, незаметно для себя признал правомерность и жизненность спора. Признавая правомерность спора, я в какой-то мере отрекаюсь от своего правильного первоначального убеждения, то есть я уже в какой-то степени побежден моим оппонентом.

Делать, однако, нечего, надо спорить. Поскольку ты втянут в полемику, которая еще недавно казалась тебе верхом нелепости. Втянут словами телеэкрана, втянут корректором областной газеты. Сия многограмотная дама, посмотрев передачу из Останкина, тоже, как и я, начинает сомневаться в собственной правоте. Она обращается к справочнику корректора, а справочник солидарен с телевидением. Корректор начинает усиленно выправлять тексты с названиями деревень. Село Алексеево или там Лукино уже не склоняется в печатном органе, а люди ведь учатся грамотности именно у печатного органа. Шире, дале. Пройдет немного времени, и ты будешь тщетно доказывать свою правоту молодой учительнице русского языка. Она родилась и выросла в деревне, живет в гуще простых людей, но говорит и пишет примерно так: «Я уехала из Алексеево».

Но что тут говорить, ежели и сами писатели перестают понемногу склонять имена существительные? Виталий Семин в рассказе «На реке» пишет: «Из Колузаево!» – простодушно ответил моторист». Правда, здесь прямая речь, и я вполне допускаю, что герой рассказа мог видеть телепередачу из Останкина. Допустим, что В. Семин тут невиноват. Но почему же Владимир Тендряков уже в авторской речи не склоняет русское имя? Пийко – это уличное, бытовое имя героя повести «Кончина» Евлампия Лыкова. Оно прекрасно склоняется, как допустим, кличка Рыжко. В повести же Пийко не склоняется, как Данко у Горького или папа Карло у Ал. Толстого. Я бы не упомянул об этом, если б одна ученая дама, ссылаясь на прозу известнейшего писателя, не заявила мне однажды, что это явление (т. е. игнорирование склонений) является «прогрессивным явлением современного русского языка».

Можно простить не очень грамотного докладчика, не склоняющего в своей речи сложных числительных: он делает это из-за малограмотности и трудности склонения. Но как понять ученую даму? Учительницу, корректора, которые уезжают из Алексеево? Боюсь, что после всех моих рассуждений они еще больше утвердятся в неправильном мнении – вот и весь результат полемики...

Только из нежелания поддерживать подобные споры я не возразил в свое время доценту Свинцову, обвинившему меня в злоупотреблении так называемыми диалектизмами. Доцент занимался специальным опросом, он высчитал, какой процент подопечных ему студентов не знает таких-то и таких-то слов, мною употребляемых. Но при чем же тут я? Ведь слова не перестают существовать от того, что тот или иной доцент их просто не знает, не слышал. Думается, что вступать в спор в этом случае просто не стоит.

Другое было бы дело, если б я выдумывал слова, либо нарочно, в пику кому-то и чему-то, выкапывал их из языковых глубин с целью гальванизации. У нас, конечно, есть эти редкие формалисты, которые не гнушаются спекуляцией на народности языка. Беспомощность таких спекуляций самоочевидна. Опасность их несоразмерна опасности выхолащивания основного словарного состава русского языка.

Кроме того, как говорил А. С. Пушкин: «Истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности».

Если же говорить об отношении «диалектизм», «устарелых», «нелитературных», «областных» слов к современному литературному процессу, то опять же позвольте обратиться к А. С. Пушкину: «В зрелой словесности приходит время, когда умы, наскуча однообразными произведениями искусства, ограниченным кругом языка условленного, избранного, обращаются к свежим вымыслам народным и к странному просторечию, сначала презренному».

Мне кажется, что сейчас в нашей литературе, по крайней мере, намечается такое явление.